

ЯПОНСКИЕ КОЛОНИИ МИМАНА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Александр Юрьевич ИВАНОВ, старший преподаватель Хабаровского государственного педагогического университета

Проблема японских колоний на территории Корейского полуострова является особой темой в ранней истории корейско-японских отношений. По этому поводу научные круги Японии и Кореи ведут давний спор по проблеме японской колонии Мимана (Имна), причем каждая сторона строго придерживается собственной точки зрения, признавая свои позиции незыблемыми и научно обоснованными. Сторонники «теории Мимана» считают давно доказанным факт существования в юго-восточной части Кореи японского поселения. Основанием для такого утверждения является «стела вана Квангэтхо» — древнейший письменный источник Кореи, дошедший до наших дней и обнаруженный офицером японской армии Сако Кагэаки, который снял копию с надписи на стеле и привез её в Японию.

Открытие стелы Квангэтхо послужило толчком для активного изучения в Японии древней истории Кореи, прежде всего в целях поиска подтверждений изначального могущества Японского государства. По мнению японских ученых, занимавшихся дешифровкой текста, надписи, сделанные на стеле, подтверждали достоверность «Нихонсёки», которые сообщают о завоевании Кореи японцами и установлении там своей колонии¹. В частности, IX свиток «Нихонсёки» повествует о том, что в 247 г. (47-й год правления Дзингу) пэкческий ван отправил к японскому двору посланника с данью. Но по дороге обоз с подарками был разграблен силласцами. Для наказания Силла и оказания помощи Пэкче императрица Японии Дзингу отправила в Корею свою армию, которая разгромила силлаские войска.

В результате этих событий король Силла должен был ежегодно платить дань японскому двору в количестве 80 кораблей, груженных золотом, серебром, одеждой и многим другим. Правители Когурё и Пэкче признали суверенитет Японии, которая установила контроль над южной частью Кореи, образовав там свою колонию Мимана. Записи «Нихонсёки» также сообщают, что в 252 г. (52-й год правления Дзингу) пэкческий ван отправил в Японию послов, чтобы преподнести инкрустированный золотом семизубцовый меч в знак «вечной верности» японскому императору². Перевод и публикация текста на мече были сделаны только после окончания второй мировой войны японским исследователем Т. Каямото примерно в том же стиле, что и летописи «Нихонсёки». Корейские ученые оспаривают то, что подаренный ваном Пэкче меч являлся знаком почтительности и покорности Пэкче

японскому властителю, поскольку в надписи на мече был указан девиз одного из ванов Пэкче, правившего в V в. нашей эры, что могло свидетельствовать о возросшем могуществе Корейского государства³.

Предметом же спора японских и корейских ученых стал вопрос, как интерпретировать высеченный на мече иероглиф 供. Дело в том, что этот знак несет двоякий смысл, имеющий в данной ситуации немаловажное значение. Японские ученые утверждают, что он переводится как «приносить в жертву», что позволяет им делать вывод о существовании вассальной зависимости Пэкче от японского императорского двора.

Корейские ученые в этот иероглиф вкладывают другой смысл — «предлагать, снабжать», считая, что ван Пэкче подарил японскому императору меч в знак своего благоволения дружественному Пэкче государству⁴, которое оказало помощь пэкчесцам в завоевании земель на юго-востоке Кореи. Впрочем, не стоит всерьез воспринимать термин «дань», который часто фигурировал в документах азиатского общества, поскольку это слово зачастую употреблялось в целях повышения престижа своей страны в глазах других государств и в своих собственных. Например, в японских летописях сообщается о том, что император Ямато получал дань с Когурё, государства, отличавшегося своей непокорностью и не платившего дань даже Китаю, вследствие чего между ними происходили постоянные конфликты. Наоборот, одним из основных направлений экономической деятельности Когурё на раннем этапе являлся сбор дани с покоренных племен. Под словом «дань» нужно понимать обычный товарообмен между государствами, чаще всего взаимовыгодный, положивший начало их двусторонней торговле.

Обращает на себя внимание и указанная в «Нихонсёки» датировка происходящих событий. Прежде всего нужно отметить тот факт, что в III в. на Корейском полуострове происходил процесс формирования государственных образований, причем на юге Кореи он был более медленным вследствие активного влияния китайских уездов, оказывавших экономическое и политическое давление на племенные союзы Хан. Следовательно, слабые в политическом отношении Пэкче и Силла, к тому же входившие в это время в племенные союзы Махан и Чинхан, где они занимали не самые ведущие позиции, не могли вести друг с другом борьбу за гегемонию на юге Корейского полуострова. Япония в III в., серьёзно подвергавшаяся активному вторжению племен с материка, тем более не в состоянии была организовывать крупномасштабные военные походы в Корею. Это говорит в пользу того, что военный поход Дзингу, завершившийся захватом корейских владений — чистый вымысел, который не имеет никаких исторических оснований⁵, по крайней мере в те временные рамки, которые указываются в японских летописях.

Поэтому достоверность датировки событий, описываемых в «Нихонсёки», была довольно быстро поставлена под сомнение многими учеными, в том числе японскими. Никто не отрицает, что, выполняя задачу своего времени, составители японских летописей в известной мере фальсифицировали материал и пытались соединить самостоятельные независимые друг от друга элементы⁶. Историки, проводившие исследования по проблеме хронологии, указанной в японских первоисточниках, имеют различные мнения, но ряд ученых считают, что составители «Нихонсёки» ошиблись на два шестидесятилетних цикла, т. е. на 120 лет. Таким образом, события, датированные 249 и 252 гг., на самом деле происходили соответственно в 369 и 372 г. Эти даты являются более правдоподобными, что и подтверждают надписи, сделанные на

семизубцовом мече, хранящемся в синтоистском храме Исоногами. Дата на этом мече свидетельствует, что он изготовлен в Пэкче в 369 г. и подарен японскому императору в 372 г.⁷

Но, несмотря на хронологические несоответствия летописей «Нихонсёки», японские ученые, продолжая опираться на надписи, сделанные на стеле Квангэтхо и золотом мече, и развивая теорию Мимана, утверждают, что в IV в. военные силы Ямато высадились на Корейском полуострове и, заняв еще не поделенную между Пэкче и Силла территорию Кая (Кара), находившегося на уровне мелкого племенного государства, основали там свою колонию.

В 391 г. двор Ямато снова отправляет армию через Корейский пролив для покорения Пэкче и Силла и укрепления собственного положения на Корейском полуострове. Естественно, захват юга Кореи японцами затронул и интересы Когурё, пытавшегося овладеть южными землями, а также помочь Силла в борьбе против Японии. Это противостояние привело к тому, что японская армия продвинулась до центральных районов Корейского полуострова, вступив в сражение с армией вана Квангэтхо⁸.

Тем самым, по мнению японских ученых, Япония, захватив часть территории Кореи, вобрала в себя культуру корейцев, укрепив экономическое и военное могущество, что, в свою очередь, стало значительным фактором в объединении Японского государства. Правда, аргументируя свои факты, японцы забывают упоминать о том, что во всех сражениях с когурёсцами они неизменно терпели поражение, причем японские войска выступали не как самостоятельная сила, а в союзе с каким-либо из корейских государств. Так, в летописях «Самгук саги» упоминается, что направленные на помощь Силла в 400 г. когурёским ваном пятидесятитысячные войска изгнали японцев и каясцев из занятых ими силласких городов, а затем захватили Имна Кая и добились ее капитуляции. В 404 и 407 гг. японские войска попытались выступить на стороне Пэкче против Когурё, но были разбиты армией вана Квангэтхо⁹.

Корейские ученые, изучая походы Ямато, видят в них обычные набеги японских племен на Корейский полуостров, основной целью которых был захват передовых орудий производства и квалифицированных мастеров, способствовавших развитию японского общества, а не попытка вмешательства во внутренние дела Трёх государств и создание колоний. Об этом говорят и археологические открытия V в., демонстрирующие, что вторжение в Корею было мотивировано в основном потребностью в материальных и технических достижениях континента. Более того, в мифах о победных походах против Силла эта страна именуется не иначе как «остров сокровищ», «страна, приносящая ценные сокровища», «страна золота и серебра», «страна шелка».

При изучении древних письменных источников возникает несколько вопросов к существованию японской колонии на Корейском полуострове в том виде, который представляют себе японские исследователи. Например, в летописях «Нихонсёки» указывается, что плацдармом для нападения на Силла являлся район нынешнего г. Тэгу, расположенного во внутренней части Кореи¹⁰. Сомнения в этой информации вызывает то, что японская армия обосновалась на «взрывоопасной территории», на которую претендовали также Силла и Когурё, а не в прибрежных районах дружественной Японии Кая, к тому же находившейся в непосредственной близости от Японских островов. Кроме того, для того чтобы сохранить свои позиции в континентальной

части Корейского полуострова, необходимо было в течение двух веков отправлять из Японии крупные боевые части. Но морские средства передвижения, о которых мы можем судить по глиняным копиям весельных кораблей, найденных в японских могилах, не могли противостоять сильным бурям и ветрам и, следовательно, осуществлять постоянную связь с Кореей. О нерегулярности отправки японских войск в Корею говорит и общая хронология, из которой можно увидеть, что с 369 по 404 г. было организовано всего четыре похода, последние два из которых закончились неудачно. Помимо этого, в летописях почти не сообщается о количественном составе японских войск, что нехарактерно для хронологий того времени, когда летописцы, желая отразить могущество своего правителя, сообщали численность армии, отправляемой в поход, и количество противника, погибшего в бою или захваченного в плен.

Корейский ученый Ли Джин Хи, проживающий ныне в Японии, вообще отрицает какие-либо успехи японской армии в борьбе с корейскими государствами. Свои доводы он аргументирует тем, что, во-первых, в корейских и китайских источниках вообще нет никаких сведений о походе войск Ямато и «умиротворении корейских государств», а во-вторых, корейские государства обладали более мощной военной организацией, нежели Ямато. Например, во время ведения военных действий японская армия должна была столкнуться с конницей, использовавшейся корейцами во время войны. Поэтому, для того чтобы успешно противостоять мобильным корейским войскам, японской армии необходимо было иметь собственную конницу. Но, как известно, конное снаряжение появилось в Японии лишь в конце V в., а производство его началось уже в начале VI в., что подтверждают и результаты археологических исследований. Это говорит о том, что японцы в IV—V вв. могли воевать только в пешем строю¹¹. Между тем главным фактором, почти всегда обеспечивавшим военно-тактическое превосходство и победу над противником, являлось широкое применение боевого коня.

Нужно учитывать и тот немаловажный факт, что 60—70-е годы IV в. были периодом наибольших военных успехов Пэкче, когда пэкческая армия во главе с ваном Кынчого в 369 г. разгромила 20-тысячную армию воинственного Когурё, а в 371 г. взяла в осаду её столицу Пхеньян, в результате которой погиб когурёский ван Когугвон. В таком случае возникает вопрос, зачем правителю Пэкче, одержавшему несколько военных побед над Когурё, где войны были образом и смыслом жизни каждого, просить помощи у Японии, чтобы победить Силла, которая в то время была ещё слабо развита и в военном и в экономическом отношении, как, впрочем, и сама Япония, и тем более давать клятву верности японскому императору.

Ещё более нелогичным является то, что теснимая с Корейского полуострова Япония продолжала получать дань от Пэкче и Силла вплоть до 646 г. Так, в летописях «Нихонсёки» сообщается, что в конце 90-х годов VI в. Ямато готовило поход против Силла, но в 599 г. Силла прислала дань, и поход не состоялся, а в 600 г. в Силла была отправлена десяти тысячная японская армия, в результате чего Силла уступила Японии ряд территорий и обязалась платить ежегодную дань¹². Если судить по японским летописям, Ямато сначала уступило требованию силлаской стороны, отдав силласцам в 512 г. четыре района подконтрольной им территории на Корейском полуострове, а затем потерпело серьезное поражение от Силла, и Мимана была окончательно захвачена силласким государством в 562 г.

Подвергается сомнению и излишняя, несообразующаяся с логикой и хронологией воинственность Японии, отраженная в летописях «Нихонсёки», где сообщается, что японская армия в 391 г. вторглась в Корею и одержала победы над Пэкче и Силла, несмотря на то, что Силла уже была «захвачена» в 369 г. и на её территории создана колония Мимана, а Пэкче в 372 г. поклялось Японии в «вечной верности»¹³.

Удивительно, что при всей своей воинственности, активных и успешных, судя по летописям «Нихонсёки», боевых действиях, в японских хрониках не указывается о захвате японцами в плен или в рабство корейцев (в «Нихонсёки» упоминается лишь случай о том, что в 200 г., по японскому летоисчислению, правитель Силла, напуганный поражением, якобы нанесенным ему японцами, изъявил желание ежегодно посылать в дар японскому правителю мужчин и женщин)¹⁴. По всей видимости, походы японцев на Корейский полуостров не были столь успешны, как упоминается в японских летописях. Исходя из этого и судя по летописям, корейские государства не очень высоко ставили боеспособность японской армии. Так, в «Нихонсёки» сообщается, что для вторжения в Корею была снаряжена шестидесятитысячная армия во главе с Афуми. Для противодействия армии Афуми из Силла в Кымгван было направлено трехтысячное войско под руководством известного силлаского полководца Исабу. В течение трех месяцев силлаское войско находилось в ожидании, надеясь, что японская армия уйдет без боя, и конфликт можно будет решить мирным путем. Но недостаток продовольствия и оскорбительное поведение японцев вынудили силласцев перейти в наступление и быстро захватить земли общины Кымгван, оккупированные японской армией. Интересно, что «Нихонсёки», скромно упоминая о поражении японской армии, не вдаётся в детали неудач полководца Афуми, поскольку описание силласких побед противоречило бы концепции авторов «Анналов Японии», провозгласивших Силла «вассалом» Ямато¹⁵.

Можно также предполагать, что японские племена, обосновавшиеся на территории Кая, участвовали то на стороне Пэкче в процессе захвата им более слабых маханских племен и войн с Когурё, то на стороне каяских племен, вступивших в противоборство с Силла за обладание районом течения р. Нактонган. Самостоятельно же японцы не могли вести борьбу со всеми тремя государствами по причине, как уже отмечалось, своей военной, экономической и политической слабости по сравнению с корейскими племенами, в связи с чем им приходилось передавать в случае одержанных ими боевых побед плоды своих успехов (в том числе и пленных) тому, на чьей стороне они выступали. По мере же ослабления Пэкче и каяских общин японцы соответственно теряли и всякую опору среди дружественных им корейских племен.

Исторические документы свидетельствуют, что после провала переговоров в Ара-Кая между Ямато, Пэкче и Кая относительно войны против Силла, японцы попытались самостоятельно оккупировать часть спорной территории, но эта попытка закончилась окончательным изгнанием японской армии с Корейского полуострова. Это же отмечал и западный ученый Грэйсон, который, исходя из анализа исторических событий, происходивших на юге Кореи и западной части Японских островов, пришел к еще более радикальному выводу, что японской колонии Мимана на территории Корейского полуострова никогда не существовало, напротив, выходцы из Карак (район, где, по

мнению японских ученых, находилась колония Мимана) захватили Северный Кюсю, а затем и основали государство Ямато¹⁶.

Южнокорейские ученые также считают, что местонахождение Мимана (Имна) и всего района столкновения корейских государств с японскими племенами следует искать на территории Японии, поскольку данные археологии говорят о проживании на значительной части Японских островов в начале новой эры выходцев с Корейского полуострова¹⁷. Исходя из этой теории, колонию Мимана можно сравнить с созданием корейских анклавов на Северном Кюсю. Впоследствии японцы стали выдавать захват корейскими племенами северной части Кюсю за образование государством Ямато на юге Кореи собственных колоний.

Подобная версия косвенно отражается в летописях «Нихонсёки», повествующих о годах правления японского царя Судзина (97—30 гг. до н.э.; по расчетам современных ученых — III—IV вв.), носившего титул Мимакирихиико. Учеными это имя обычно истолковывается как «принц Мимана»¹⁸, или «крепость Мимана»¹⁹, что подчеркивает связь этого государственного образования с царем Судзином. При анализе имени Судзина стоит обратить внимание на компоненты — **киири** и редуцированное — **на**. В древнеяпонском языке слово **ири** (**иру**) имело значение «входить, приходить», а компонент — **на** отождествляется с корейским словом **на** (**ра**) «земля, страна», которое часто встречается в географических названиях древней Кореи — **Имна**, **Силла**(**Синра**), **Сораболь**, **Тхамна**, **Кара**. Древнеяпонское слово **ки** аналогично использовавшемуся в языке Когурё, Пэкче и Кая слову **ки** и переводится как «крепость, город». По мнению А.В. Вовина, в названии титула Судзина произошла замена словом **ки** компонента **на**, что представляется вполне возможным, если проводить аналогию с греческими городами-государствами²⁰.

В этом случае титул Судзина может быть интерпретирован как «принц, пришедший из крепости (страны) Мимана». Исходя из этого, можно сделать вывод, что представитель королевского рода из корейского государства Мимана (Имна), переправившись через Корейский пролив, захватил Северный Кюсю и впоследствии распространил свою власть на центральную часть Японии, где и была основана династия японских правителей. Кстати, обращая внимание на время происходивших событий (III—IV вв.), пришествие принца Мимана в Японию можно соотнести с походами кочевых племен на соседние острова. Таким образом, так называемую колонию Мимана стоит рассматривать вовсе не как колонию, а как метрополию Японии²¹, которой представители Японских островов оказывали всемерную помощь в борьбе с другими корейскими государствами. Но впоследствии, в связи с переносом политического центра из Северного Кюсю во внутренние районы Японии, контакты между юго-восточной частью Кореи и Ямато ослабли, и Мимана (Карак) была захвачена государством Силла.

По мнению известного японского историка и этнографа Эгами Намио, Мимана могла являться перевалочной базой кочевых племен пуё и когурё на их пути к Японским островам. Эгами считает, что наездники из Восточной Маньчжурии, продвигаясь на юг Корейского полуострова, захватили районы проживания племен Пёнхан и попытались с этого плацдарма завоевать весь юг Корейского полуострова, но, получив серьёзный отпор ханских племен, входивших в состав Чинхан и Махан, решили на некоторое время обосноваться в районе Мимана (Имна). В пользу этой версии говорит

сходство (исходя из сохранившихся данных) когурёского и каяского языков при некотором различии с силласким языком.

Потерпев неудачу в борьбе за территории на юго-востоке Кореи, кочевники в первой половине IV в. начали выдвигаться в районы Северного Кюсю. Укрепив свои позиции на севере Кюсю в IV — начале V в., северные кочевники попытались вернуть свое господство над Южной Кореей и одновременно стали переносить политический центр в район Кинай, где ими было образовано государство Ямато²². Исходя из этого, Мимана представляла собой не постоянное владение Японии, а зону, временно оккупированную кочевыми племенами на их пути к Японским островам.

В связи с проблемой образования на юго-востоке Кореи японской колонии Мимана, просуществовавшей, судя по летописям «Нихонсёки», почти два века, встает вопрос и об археологических находках, которые могли бы удостоверить столь длительное присутствие чужеземных владений, тем более что, если верить летописям «Нихонсёки», на территории Мимана было создано управление Нихон-фу, а в каждую деревню или общину отправлялся японский чиновник (микотомочи), подчинявшийся начальнику определенного района (канки)²³.

После оккупации Кореи японские ученые, придавая Мимана первостепенное значение как составной части древней истории Японии, провели массу археологических раскопок в районе Кимхэ и Кая, но не смогли найти ни одной находки, связанной с японской колонией. Отсутствие археологических находок, подтверждающих существование японской колонии Мимана, признали многие японские ученые²⁴. С другой стороны, не только мифологические предания, но памятники материальной культуры на территории Японии свидетельствуют о поселении пёнджинских общин на Японских островах, выступавших посредниками в торговых и культурных связях между китайцами и населением Японии. Об этом можно судить по сообщениям китайских источников («Саньго чжи») и ранних японских летописей («Кодзики» и «Нихонсёки»). В мифологических именах отдельных пришельцев из Кореи (Сонакасита, Цунугаарасита) прослеживаются названия должностных лиц (синджи) корейского происхождения²⁵.

Несмотря на это, японские историки (Кубо Токудзи, Фукуда Ёсиносукэ и др.), пытаясь обосновать правомерность притязаний Японии на Корейский полуостров, заявляли, что Силла изначально было колонией японского племени *идзумо*, которое расселилось по побережью Японского моря и именовалось в истории Кореи как потомки Древнего Чосона, образовавшие шесть поселений в районе Сораболь²⁶. По этой версии выходило, что все культурные ценности, созданные племенами в этом регионе, на самом деле являются творением древних японских племен.

Древнейший письменный источник Кореи также вызывает сомнения как у южнокорейских, так и северокорейских ученых. В своих работах Ли Джин Хи и другие историки выдвигают серьезные доводы в пользу того, что тексты, снятые японцами со стелы Квангэтхо, были сфальсифицированы и подогнаны под соответствие их «официальной истории» Японии в период империализма. Ли Джин Хи, считает, что работа, проведенная японскими учеными над истолкованием текста, изначально носила ненаучный и тенденциозный характер²⁷. Сомнения уже вызывает то, что на стелу в 1883 г. обратил внимание офицер генштаба японской армии — человек, далекий от исторической науки. Это дает возможность предполагать, что в процессе распростра-

нения своего влияния на Корейском полуострове и в Маньчжурии японским представителям была поставлена задача — найти доказательства изначального могущества Японии.

Над эстампами, снятыми и привезенными Сако Когэаки, японские ученые работали в обстановке строгой секретности вплоть до обнародования текста. Эта секретность, собственно, и вызывает подозрения, японские историки намеренно изменили текст, сфальсифицировав исторические факты. В качестве свидетельства фальсификации текста со стелы Квангэтхо Ли Джин Хи приводит материал, предоставленный Сако, в котором указан иероглиф 黃. Но на фотографии 1935 г. уже фигурирует иероглиф 履, который никак не похож на 黃. В таком случае, считает Ли Джин Хи, есть основания сомневаться в том, что и другие иероглифы с оригинала были заменены на те, которые бы совпадали с японской версией древней истории Восточной Азии²⁸. Сомнения в научности «работы» японских исследователей над текстом стелы вана Квангэтхо вызывает и тот факт, что наибольшее число утраченных иероглифов приходится именно на те разделы надписи, которые касаются взаимоотношений Когурё с японцами и событий, происходивших на территории Кая. Например, раздел надписи, содержащий рассказ о походе на Имна Кара и Анра, оказался наиболее поврежденным, утрачено 83 иероглифических знака²⁹.

С другой стороны, стела, установленная в честь великих деяний вана Квангэтхо («Расширителя земель»), была призвана отразить могущество правителя Когурё, а отнюдь не Японии. Успехи же японской армии на Корейском полуострове, упомянутые в тексте, — лишнее подтверждение величия Квангэтхо, одержавшего победу над японцами.

Таким образом, как утверждают корейские ученые, при отсутствии древних корейских и китайских источников о вторжении японцев в Корею, ненадежности исторической информации «Нихонсёки» и фальсификации японскими учеными текста стелы Квангэтхо, события, связанные с японской колонией Мимана, не могли иметь места в истории Кореи. Японский ученый Уэда также считает, что нет достаточных исторических доказательств существования на территории Корейского полуострова японской колонии. Утверждения Уэда основаны на том, что в более ранних японских летописях Кодзики ничего не упоминается о Мимана³⁰.

Вообще поход царицы Дзингу многие корейские ученые (Чхве Гиль Сон, Ли Джин Хи, Ким Сок Хён) относят к событиям мифологического характера³¹ либо считают его плодом чистого вымысла³², хотя он более реалистичен, чем другие японские легенды, так как в «походе Дзингу» сверхъестественные силы играют уже более скромную роль³³.

Если уж речь идет о захвате японцами части территории Корейского полуострова, почему тогда, когда пэкческий ван решил отправить свое посольство в Японию и спросить о ней у мелких правителей юга, оказалось, что никто из них ничего не слышал о государстве Ямато, а владетель Тансуна на р. Нактонган, который был, по уверениям японцев, центром торговли с Японией, говорил, что никогда не имел дела с этой страной, хотя и слышал о ней?³⁴

Собственно, некоторые японские ученые также сомневаются в достоверности некоторых эпизодов в отношениях между Кореей и Японией в IV—V вв. и признают обоснованность критического подхода к японским источникам. Японские ученые Икэучи Хироси и Суэмацу Ясукадзу на основе изучения

корейских летописей заключили, что достоверный материал в «Нихонсёки» относится к периоду не ранее середины IV в., а Икоуэ Мицусада, сравнив летописи «Кодзики» и «Нихонсёки» с китайскими династийными хрониками «Сун шу» и «Лян шу», признал достоверность материала японских летописей с V в. н.э., считая действительно существовавшими реальными лицами царей Ва, потомков пэкческой династии, начиная с Одзина³⁵.

Исходя из вышесказанного, можно с большей или меньшей долей уверенности утверждать, что игнорирование корейскими источниками японских владений на территории Корейского полуострова и чрезмерное упоминание о Мимана в японских летописях говорит о тех политических целях, которые преследовались обеими сторонами. Составители летописей «Самгук саги» в территории, которая была вечным спором между Пэкче и Силла прежде всего видели место, где проживали родственные корейцам племена кая и лишь второстепенно рассматривали юго-восточный регион Корейского полуострова как зону интересов Японского государства.

С другой стороны, японские летописцы и историки, подтверждавшие существование японской колонии и ее успешное противодействие корейским государствам, хотели тем самым доказать изначальное могущество Японии, а впоследствии и право на притязания Японии на корейскую территорию.

Но относительно проблемы Мимана было бы более объективным не бросаться в крайности в споре о наличии или отсутствии японских поселений на Корейском полуострове, а рассматривать события того времени не как захват японцами части территории юга Кореи и создание там агрессивно настроенной против корейских государств колонии, а как взаимоотношения корейских племен с тремя государствами, которые принимали то мирный, то антагонистический характер в споре за определенные интересы.

Скорее всего, корейские государства имели отношения не с единым государством Ямато, а с отдельными кланами, связанными родственными узами с тем или иным регионом Корейского полуострова. Об этом косвенно свидетельствуют симпатии, которые проявляли определенные круги в Японии по отношению к Корее. В 527 г., когда государство Ямато, пыталось вернуть уже фактически утраченные позиции на территории Корейского полуострова, местный правитель области Цукуси на острове Кюсю Иваи всячески препятствовал отправке японских войск через Корейский пролив, заявляя, что «Корея издревле являлась нашим другом, с которым в старину мы ели пищу из одной посуды»³⁶. Как правило, создание японцами колоний в Корее было обусловлено прежде всего экономическими факторами, о чем свидетельствует временность этих поселений (отсюда и отсутствие каких-либо находок, говорящих о долговременности проживания японцев в Корее). Кроме того, создание на территории каяских племен японских поселений лишний раз говорит о родственных отношениях корейцев с теми, кто проживал в районе Северного Кюсю. В конце концов, такие тесные отношения родственных племен сводились к тому, что каяские племена оказывали материальную, экономическую и культурную поддержку жителям Японских островов, которые, в свою очередь, выступали на защиту Кая, подвергавшейся нападкам со стороны усиливавшегося государства Силла. Торговые поселения японцы иногда могли использовать в качестве оплота своих разбойных набегов на соседние общины, но рассматривать эти военные разбои как ведение крупномасштабных боевых действий против трех корейских государств было бы преувеличением.

Таким образом, говоря о Мимана, нельзя полностью игнорировать сведения о японских поселениях, что пытаются делать некоторые антияпонски настроенные корейские ученые, но не стоит и преувеличивать их роль в процессе исторического развития и взаимоотношений корейских государств.

- ¹ Сисайонъосаджон (Терминологический словарь текущих событий), Кукса (История Кореи): Квангэтхованби (Стела Квангэтхо). Сеул, 1993. С. 392.
- ² Нихонсёки (Анналы Японии). 1994. Т. 1, свиток 1. С. 267—282.
- ³ Ким Сок Хён. Чхоги чоиль кванге ёнгу (Исследование корейско-японских отношений в ранний период). Пхеньян, 1966. С. 194.
- ⁴ Ким Хян Су. Ильбонесо твечхаджин иропорин пэкчемунхва (Потерянная культура Пэкче, найденная в Японии) // Синтонъа. 1997. № 5. С. 531—532.
- ⁵ Кодзики, Т. 2. Комментарии и примечания к тексту. СПб., 1994. С. 131.
- ⁶ Конрад Н.И. Японская литература от «Кодзики» до Токутоми. М., 1979. С. 114.
- ⁷ Ли Джин Хи. Хангукквва ильбонмунхва (Корея и японская культура). Сеул, 1982. С. 35—36.
- ⁸ Иенага С. Синнихонси (Новая история Японии). Токио, 1978. С. 26.
- ⁹ Ким Бусик. Самгук саги (Исторические летописи Трех государств). М., 1959. С. 111.
- ¹⁰ Нихонсёки. Т. 1, свиток 9. С. 267—282.
- ¹¹ Ли Джин Хи. Указ. соч.. С. 38—39.
- ¹² Нихонсёки, Т. 2, свиток 22. С. 92.
- ¹³ Нихонсёки, Т. 1, свиток 11. С. 315—317.
- ¹⁴ Нихонсёки, Т. 1, свиток 9. С. 268—270.
- ¹⁵ Тихонов В.М. Присоединение общины Кымгван к древнекорейскому государству Силла // Восток. 1996. № 4. С. 23—24.
- ¹⁶ Grayson J.H. Mimana, a Problem in Korean Historiography // Korean Journal. Vol.17, 1977, № 8. P. 66—68.
- ¹⁷ Ли Бён До. Хангукса (История Кореи). Сеул, 1967. Т. 1. С. 405.
- ¹⁸ Воробьев М.В. Япония в III—VII веках. С. 65.
- ¹⁹ Кожевников В.В. Очерки древней Японии. Владивосток, 1998. С. 111.
- ²⁰ Вовин А.В. К вопросу об этногенезе японцев // Народы Азии и Африки. 1988. № 4. С. 92.
- ²¹ Там же. С. 93.
- ²² Egami N. Light on Japanese Cultural Origins from Historical Archaeology and Legend — Japanese Culture. Its Development and Characteristics. Chicago — New York, 1962.
- ²³ Воробьев М.В. Япония в III—VII веках. С. 119—120.
- ²⁴ The Cambridge History of Japan. P. 123.
- ²⁵ Пак М.Н. Очерки ранней истории Кореи. М., 1979. С. 156.
- ²⁶ Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975. С. 27.
- ²⁷ Ли Джин Хи. Котайо рёхи-но кэнкю (Изучение надгробной стелы Квангэтхо). Токио, 1972. С. 37.
- ²⁸ Ли Джин Хи. Указ. соч. С. 55.
- ²⁹ Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики (стела Квангэтхо). М., 1979. С. 87.
- ³⁰ The Cambridge History of Japan. P. 123.
- ³¹ Ким Сок Хён. Чхоги чоиль кванге ёнгу (Исследования корейско-японских отношений в ранний период). Пхеньян, 1966.
- ³² Ли Джин Хи. Нихонбунка то Тёсэн. Токио, 1984.
- ³³ Воробьев М.В. Япония в III—VII веках. С. 110—111.
- ³⁴ Там же. С. 35.
- ³⁵ Сырицын И.М. Современная историография о формировании и социальной структуре древнего государства // Вестн. МГУ. 1970. № 2. С. 55.
- ³⁶ Кожевников В.В. Очерки древней Японии. 1998. С. 137—138.

SUMMARY: «Japanese Colonies of Mimana on Korean Peninsula» is the title of Alexander Ivanov, a lecturer from Khabarovsk State Pedagogical University. The author raises a problem of Japanese colonies on the territory of Korean Peninsula. Now it is of interest for studying history of Korea — Japanese relations.